

Глава 3

Е Сяююань не на шутку перепугался, видя, как маленького принца сотрясают столь яростные позывы, будто тот вознамерился выплеснуть вместе с лекарством все внутренности. Он поспешно принялся гладить мальчика по спине.

Под его ладонью дрожало хрупкое, почти невесомое тельце; костлявая спина ощутимо выпирала сквозь одежду. Сяююань готов был сам принять любые муки, лишь бы облегчить участь господина.

— Ваше высочество, сколько же страданий выпало на вашу долю...

Спустя некоторое время порывы утихли. Цюй Дубянь, казалось, лишился последних сил даже на то, чтобы поднять голову. Он бессильно приткнулся к плечу слуги и прошептал с глубокой обидой в голосе:

— Горько... Куда горше, чем в прошлый раз... Спутник Е, я больше не хочу это пить.

— Но Ваше высочество, как же вы поправитесь без снадобья? — мягко возразил Е Сяююань.

— Мне уже не так плохо. Завтра всё пройдёт, вот увидишь.

И это было чистой правдой: действие Симулятора болезней имело чёткие временные границы, после чего все симптомы исчезали бесследно. Лекарства в этом процессе не играли никакой роли.

Сяююань уже открыл рот, чтобы продолжить уговоры, но принц внезапно вскинул голову. Встретившись взглядом с этими огромными, влажными глазами, в которых плескалась детская мольба и чистота, евнух почувствовал, как его сердце окончательно растаяло. Он не смог бы выдать из себя ни слова отказа, даже если бы от этого зависела его жизнь.

Е Сяююань ладонью коснулся лба мальчика. Тот всё ещё горел, но взгляд принца стал куда бодрее.

— Хорошо, — сдался он. — Пусть будет по-вашему.

«В конце концов, я могу просто караулить у его постели всю ночь, проверяя его состояние каждый час»

— Тогда я оставлю эту чашу, — добавил Сяююань. — Вдруг Ваше высочество передумает.

«В этом нет ни малейшей нужды. Не стоит быть настолько экономным»

Он немного помолчал, а затем спросил:

— Спутник Е, а где сейчас тот человек, которого ты привёл?

— На кухне. Там как раз топили печь для отваров, в тепле ему будет легче прийти в себя.

— Я хочу навестить его. И отдать ему это лекарство.

Сяююань нахмурился, в его глазах отразилось явное неодобрение:

— Ваше высочество...

— Неужели Спутник Е снова хочет мне запретить? — Цюй Дубянь опустил голову, и его длинные ресницы грустно дрогнули.

Опираясь на опыт прошлой жизни, Дубянь без малейших угрызений совести использовал свои чары против пятнадцатилетнего Сяююаня, который в его прежнем мире считался бы всего лишь старшекласником.

Совесьть? Какая совесьть? Ему ещё нет и трёх, он — просто ребёнок!

Как показала практика, если Цюй Дубянь задавался целью, никто из тех, кто питал к нему хоть каплю симпатии, не мог устоять перед его напором. В прошлой жизни это были миллионы фанатов, в этой — безоружный перед его очарованием «папа-нянька».

Не прошло и трёх минут, как Е Сяююань капитулировал.

Он тщательно укутал мальчика в два плотных одеяла, превратив его в пухлый меховой шар, и осторожно взял на руки. Удерживая принца одной рукой, а чашу с лекарством — другой, он зашагал к кухне. Походка его была настолько плавной и уверенной, что в кокон из одеял не проникло ни единого дуновения морозного ветра, а из чаши не пролилось ни капли.

Маленькая кухня.

Помещение пустовало; за исключением тех случаев, когда нужно было разогреть остатки скудной трапезы, им почти не пользовались.

В углу, свернувшись калачиком, лежал маленький евнух. Он пребывал в полузабытьи: губы его потрескались, лицо пылало от лихорадки. Мальчик уже прощался с жизнью, полагая, что если его не добила стужа на улице, то добьёт жар здесь, на кухне.

Сквозь туман сознания он почувствовал, как чьи-то пальцы осторожно разжали его челюсти, и в горло полилась тёплая, невыносимо горькая жидкость.

Из последних сил он заставил себя сглатывать лекарство и приоткрыл глаза.

Перед ним стоял Евнух Е, бережно прижимавший к себе какой-то сверток, из которого виднелись лишь любопытные детские глаза. Заметив, что найдёныш очнулся, ребёнок явно расслабился, и его глаза весело прищурились.

— О, ты проснулся!

Реальный вкус горечи во рту заставил маленького евнуха оцепенеть. Значит, это не галлюцинация.

«Никакой реакции... Неужели он совсем мозги от жара растерял?»

Цюй Дубянь с сомнением посмотрел на него и спросил:

— Как тебя зовут? У тебя есть фамилия?

Мальчик, казалось, только сейчас пришёл в себя. Заметив, что он пытается неуклюже опуститься на колени, Дубянь поспешно его остановил:

— Не нужно этого.

Е Сяююань негромко пояснил:

— Ваше высочество, по законам нашей династии евнухи, попадая во дворец, обязаны сменить имя. Им запрещено носить родовую фамилию, если только за великие заслуги им не будет дарована особая милость императора.

«Никаких прав человека. Даже фамилии лишают»

Найдёныш замер, опустив голову, чтобы не оскорбить господина прямым взглядом, и тихо произнес:

— В миру я носил фамилию Ци. Официального имени во дворце мне ещё не дали.

Цюй Дубянь поглубже зарылся в объятия Сяююаня и задумчиво склонил голову набок.

— На улице сейчас так холодно... Знаешь что? С этого дня тебя будут звать Вэнь Сяочунь.

«Тёплая весна — какое имя может лучше соответствовать уровню фантазии двухлетнего ребёнка?»

Е Сяююань, услышав это, невольно улыбнулся:

«Ваше высочество и покойная наложница Юнь — истинные мать и сын, даже имена придумывают в одном стиле»

— Благодарю Ваше высочество за дарованное имя, — пробормотал мальчик. — Отныне моё имя — Вэнь Сяочунь.

Напоив будущий «аккумулятор жизни» лекарством, Дубянь с чувством выполненного долга вернулся в свои покои. Е Сяююань коснулся его рук — они были тёплыми, стужа не успела до него добраться. Затем проверил лоб: температура явно начала спадать.

С облегчением вздохнув, он заставил принца выпить чашку горячей воды и лишь после этого уложил спать.

Посидев у кровати, пока дыхание мальчика не стало ровным и глубоким, Сяююань подоткнул одеяло и снова отправился на кухню.

Е Сяююань присел перед Вэнь Сяочунем. Сейчас его лицо не выражало и тени былой мягкости. Холодным, пронзительным взглядом он изучал мальчишку, которому принц только что подарил и лекарство, и имя.

Прошло немало времени, прежде чем он заговорил:

— Ты и сам видишь: во дворце Цзюйань только я и маленькое высочество. Мы стеснены в еде и одежде; любому мало-мальски важному слуге в других дворцах живется куда сытнее, чем нам.

— Лекарство, которое ты сегодня выпил, я вымолил для принца. Для господ из других палат одна порция — пустяк, но для нас это сокровище. Ваше высочество сам страдает от жара, но отдал снадобье тебе.

— Неважно, захочешь ли ты остаться или уйти, когда поправишься, — ты обязан вечно помнить

об этой милости.

Е Сяююань не верил, что человек с таким упорным взглядом, который в когтях смерти из последних сил цеплялся за его лодыжку, моля о спасении, не имеет амбиций.

Рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. У дворца Цзюйань нет будущего, и если этот парень решит уйти, пусть хотя бы уходит с чувством долга.

Сяююань оставил ему маньтоу и чашку горячей воды, бросив на прощание:

— Поправляйся скорее. Тебе ещё учить Ваше высочество воинскому искусству.

Когда он ушёл, Вэнь Сяочунь дрожащими руками взял остывшую булку. Он ел, жадно заталкивая куски в рот, почти не жуя, и запивал их водой, пока не почувствовал, как по телу наконец разливается живительное тепло.

Вэнь Сяочунь не лгал — он действительно владел боевыми искусствами, подсмотрев их когда-то у ворот школы боевых искусств.

Год назад он самодельным шипом заколол своего отца — пропойцу и игрока, чьё сердце давно сгнило. Он вырвал мать из публичного дома и бежал с ней в столицу, но та, испугавшись его окровавленного вида, без колебаний продала сына торговцу людьми. Получив деньги, она просто скрылась с другим мужчиной.

Он не успел развить внутреннюю силу, и все его навыки рукопашного боя оказались бесполезны против сонного порошка работоторговцев. Пройдя через несколько рук, он волею судеб оказался во дворце и стал евнухом.

Его били, продавали, бросали и унижали.

До этого самого момента.

Лишь в чистых, мягких глазах маленького принца он впервые почувствовал отблеск настоящей человеческой теплоты.

Вэнь Сяочунь откинул ветхое одеяло, с трудом сполз на холодный пол и трижды отвесил глубокий поклон в сторону спальни, где мерцал слабый огонек свечи.

[Персонаж: Вэнь Сяочунь]

[Уровень симпатии: 38]

Мальчик, спавший в покое, перевернулся на другой бок.

«Если подумать, я должен быть благодарен тому, кто решил меня отравить. Благодаря этому человеку я не только получил новый тип болезни для очерков, но и обзавелся инструментом для прокачки симпатии»

Так прошел ещё один день.

Лишь когда таймер жизни показал цифру «1», Цюй Дубяню позволили спуститься на пол и немного размяться.

Оставшиеся две порции лекарства он, разумеется, пить не стал, а уговорил Е Сяююаня снова отдать их Вэнь Сяочуню.

Благодаря трем порциям целебного снадобья Сяочунь поправлялся буквально на глазах. Опасность миновала. Его организм был крепким от природы, и вскоре он уже мог помогать по хозяйству.

Цюй Дубянь, не теряя времени, велел ему обучать себя Тайцзи. Прямо в спальне они оба встали в начальную стойку.

— Начнем.

Вэнь Сяочунь кивнул и для начала сам проделал весь комплекс упражнений. Его движения были выверенными, а стойки — на удивление крепкими.

«Спутник Е — мой счастливый талисман»

Цюй Дубянь с благодарностью подумал об этом и принялся старательно повторять движения.

Хотя его нынешнее тело было слабым, талант к танцам из прошлой жизни никуда не делся. Вскоре он уже вполне сносно копировал формы. Первые две попытки были слишком неуклюжими, но на третьей в его сознании наконец раздался знакомый сигнал Симулятора.

[Ежедневная тренировка пройдена успешно. Срок жизни +1 день]

[Оставшийся срок жизни: 2 дня]

Цюй Дубянь с облегчением выдохнул и под восторженными взглядами Сяююаня и Сяочуня плюхнулся прямо на пол, обливаясь потом от усталости.

Наконец-то! Если бы тренировка не зачлась, завтра он превратился бы в бездыханное маленькое тело.

Е Сяюань заботливо вытер ему лицо платком. Заметив, что на щеках мальчика наконец проступил здоровый румянец, он подумал, что эти занятия и впрямь идут на пользу.

— Ваше высочество наверняка проголодался? Обед уже готов.

Дубянь кивнул и поманил к себе тихо стоявшего в стороне евнуха:

— Сяочунь, ты тоже иди сюда.

Взнь Сяочунь замер. Встретившись с сияющими глазами принца, он невольно улыбнулся и тихо отозвался. Е Сяюань, уже почти признавший новичка за своего, выделил ему порцию еды. Впрочем, слугам полагалось обедать только после того, как господин закончит трапезу.

За едой Дубянь спросил:

— Лекарства ведь закончились?

— Да, последнюю порцию выпил Сяочунь.

Дубянь немного подумал:

— Спутник Е, сходи в Императорскую медицинскую академию снова. Бери столько, сколько дадут, пока не откажут. Скажи им, что мне стало только хуже.

— Тьфу-тьфу-тьфу! Ваше высочество не должен так говорить. Да и вряд ли они дадут что-то еще...

— Ты просто сходи и спроси. Если не дадут — вернешься. Иметь запас лекарств всегда полезно.

В глубине души Дубянь рассуждал иначе: если тот, кто желает ему смерти, всё ещё не оставил своих планов, он непременно воспользуется случаем и передаст новую порцию. А эти снадобья — бесценные улики.

Сейчас ему не на кого опереться, поэтому единственное, что он может сделать — это собирать доказательства, чтобы в нужный момент нанести ответный удар.

— Хорошо, — покорно согласился Сяюань.

В течение следующих двух недель Е Сяюань ежедневно ходил за лекарствами, и лекари, на удивление, продолжали их выдавать. Ровно по одной порции в день, ни больше ни меньше. Сяюань был вне себя от радости и готов был ходить так до скончания веков.

Словно хомяк, запасающий зерно на зиму, он прятал эти свертки в глубине шкафа.

Цюй Дубянь не слишком следил за пополнением запасов. Он старательно привыкал к произношению слов на языке династии Чжоу и наконец сумел полностью синхронизировать память души с инстинктами тела. Теперь ему не приходилось делать паузу перед каждой фразой, вспоминая, как правильно произносятся звуки.

Теперь он был маленьким, говорящим, но совершенно неграмотным чжоуским «недоучкой».

Кроме того, слова [Оставшийся срок жизни: 1 день], которые он видел каждое утро, подгоняли его лучше любого кнута, развивая в нём невероятную дисциплинированность.

Спустя полмесяца непрерывных тренировок его тело окрепло, а Симулятор наконец объявил о первом розыгрыше наград!

[Ежедневные тренировки продолжаются 15 дней. Счетчик обнулен. Желаете запустить розыгрыш?]

Цюй Дубянь торжественно вымыл руки. Он не знал, что скрывается в призовом фонде, но всем сердцем надеялся на дополнительные дни жизни.

«Запуск!»

[Идет розыгрыш...]

[Поздравляем! Получен предмет: Одноразовое создание озорных снов (2 шт.)]

[Описание: Вы становитесь творцом снов. Выберите одного друга и устройте ему безобидный розыгрыш!]

[Предметы помещены в инвентарь Симулятора]

Цюй Дубянь замер.

«Какая бесполезная ерунда...»

А затем просто рухнул на кровать, бессмысленно уставившись в потолок.

Спустя некоторое время он приподнялся и начал размышлять. В этом императорском городе самым могущественным человеком был его «дешевый папаша». Если бы он смог привлечь внимание императора, его жизнь в мгновение ока стала бы куда приятнее.

Может, стоит заставить папашу увидеть его во сне? Пробудить в его сердце те самые пресловутые отцовские чувства?

«Нет, плохая идея»

А вдруг отцовские чувства не проснутся, и император, напротив, решит, что его сын — какое-то наваждение или злой дух? Что, если его просто казнят?

Внезапно в его глазах вспыхнул огонёк. Он выбежал во двор и крикнул Спутнику Е, который расчищал снег:

— Спутник Е! Иди скорее сюда, мне нужно кое-что спросить!

— Бегу!

Сяююань велел Вэнь Сяочуню продолжать работу, подышал на замерзшие руки и вошел в дом:

— Что прикажете, Ваше высочество?

— Спутник Е, мой отец и матушка... они ведь не ладили, верно? Иначе почему отец ни разу не пришел навестить меня?

В памяти этого тела Сяююань упоминал лишь о том, что наложница Юнь была очень доброй и нежной женщиной, но ни словом не обмолвился об остальном. Дубяню нужно было выяснить, почему прежний владелец этого тела оказался в такой немилости, что его выбросили в эту забытую богами глухомань.

Е Сяююань по привычке хотел было уклониться от ответа.

Но Цюй Дубянь потянул его за рукав:

— Спутник Е, не обманывай меня. Я должен знать правду.

Сяююань не выдержал натиска этой детской непосредственности.

Он вздохнул. После болезни маленькое высочество стал куда более живым и настойчивым.

Причина, по которой седьмого принца сослали во дворец Цзюйань, на самом деле не была секретом — об этом знал почти каждый во дворце.

Поразмыслив, он решил преподнести эту правду в виде сказки, опустив самые пугающие подробности.

Дворец Цзычэнь.

Император Чунчжао взошел на престол в возрасте двадцати двух лет и правил уже восемь зим. К этому времени у него было семеро сыновей и одна принцесса.

Благородная внешность императорского рода Цюй передавалась из поколения в поколение. Несмотря на то, что император уже перешагнул тридцатилетний рубеж, он сохранил прекрасную форму и мужественные черты лица.

Находясь в самом расцвете сил, правитель постепенно приводил в порядок дела, оставленные его предшественником, и шаг за шагом укреплял свою власть над двором.

Окончив работу над стопкой донесений, он отложил кисть и размял запястье.

Главный евнух Юй мгновенно поднес ему чашу с холодным чаем. Государь терпеть не мог горячее питье; даже в самые лютые морозы он требовал, чтобы чай был остывшим.

Два года назад один новичок, не знавший этих привычек, подал императору горячий настой. В тот же день бедолагу сослали в рабские склады на перераспределение, и вряд ли его судьба сложилась удачно.

— Ваше Величество, Её высочество Драгоценная наложница Лань прислала вам пирожные с гибискусом. Они ждут в боковом павильоне.

Император Чунчжао отхлебнул чаю:

— Я не голоден.

Осушив половину чаши, он приоткрыл окно и выглянул наружу. На его губах промелькнула тень улыбки:

— Благодатный снег сулит добрый год. В следующем сезоне у народа будет богатый урожай.

Евнух Юй поспешно поддакнул:

— Истинная правда, Ваше Величество. Всё это — плоды ваших неустанных трудов на благо государства.

В комнату ворвался свежий морозный воздух, мгновенно вытеснив душную теплоту. Чунчжао глубоко вздохнул, чувствуя, как мысли проясняются.

— Холода крепчают. Велите добавить угля в покои наложниц сверх обычной нормы.

— Ваше Величество безгранично добры. Я немедленно всё исполню!

Евнух уже собирался откланяться, когда услышал негромкое, почти неуверенное:

— Погоди...

Юй замер в ожидании.

Император стоял у окна, его пальцы мерно постукивали по подоконнику. После недолгой паузы он произнес:

— В тот дворец, где живет... тот ребенок. Тоже добавьте углей. Но не говорите, что это был мой приказ.

Евнух Юй внутренне ахнул, но внешне остался бесстрастен. Осторожно уточнил:

— Желаете, чтобы я лично наведалься туда и проверил, как он?

Чунчжао покачал головой.

В тишине кабинета прозвучал едва слышный вздох:

— Прошло уже почти три года...

Евнух Юй отступил, бесшумно закрыл двери и велел своему ученику зайти внутрь, чтобы прислуживать государю. Сам же он остановился на вершине высокой лестницы дворца, охваченный внезапным волнением.

Седьмой принц, живущий в заброшенном дворце Цзюйань, был ребенком наложницы Юнь. В те времена она была окружена такой любовью и заботой, о которой другие могли только мечтать.

Император отдавал ей всё своё внимание.

Когда она забеременела, Астрологическое управление внезапно сообщило государю пугающую весть: дитя в утробе — греховный плод, чьё рождение несет лишь беды. Говорили, что если ребенок явится в мир, он погубит свою мать.

Наложница Юнь не верила в пророчества. Император терзался сомнениями, но мог лишь велеть лекарям удвоить бдительность. Увы, предсказание сбылось: наложница Юнь умерла в муках при родах, успев лишь дать сыну имя перед смертью.

Император был убит горем. Он не выходил к двору три дня.

Тогда глава Астрологического управления дал новый совет: чтобы очиститься от скверны, сын наложницы Юнь должен провести три года вдали от отца, в полном уединении, соблюдая траур. Только когда «греховная сила» угаснет, душа его матери сможет обрести покой и переродиться в мире и достатке.

Государь приказал перевезти седьмого принца и его слуг в дворец Цзюйань. С тех пор — то ли из скрытой обиды, то ли из отвращения — император ни разу не поинтересовался судьбой этого ребенка.

Прошло три года, и евнух Юй полагал, что государь окончательно забыл о нем.

Оказалось — нет. Помнил.

Множество женщин рожали императору детей, используя всевозможные уловки и интриги, чтобы привлечь его внимание, но ни одна не смогла сравниться с наложницей Юнь, которой не было в живых три года. Даже её сын, которого отец никогда не ласкал и к которому не испытывал почти никаких чувств, всё равно оставался в его мыслях.

И то верно.

«Разве может живой человек сравниться с мертвым?»

Евнух Юй поправил одежду, взмахнул метелкой из конского волоса и зашагал прочь, раздумывая о том, как лучше передать уголь во дворец Цзюйань.

Император не спрашивал о маленьком принце, но Юй, будучи его главным слугой, не слышал от подчиненных, что дела у мальчика идут из рук вон плохо.

Каждый во дворце понимал: принц, несущий клеймо «убийцы матери» и «перерождение греховного плода» — создание крайне неудачливое. Мало кто верил, что после трех лет он

вообще сможет покинуть свою тюрьму.

Даже если император вспомнил о нем — что с того? Пока тень этого пророчества не исчезнет из сердца отца, маленькое высочество никогда не узнает родительской любви.

Сегодняшний приказ о лишнем угле, пожалуй, был пределом того, на что император готов был пойти.

<http://bllate.org/book/16117/1580765>